

Поколение пустыни

А. Л. Венгер

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Международного университета «Дубна»,
руководитель сектора экстренной психологической помощи детям и подросткам
Московского городского психолого-педагогического университета

Выдвинута гипотеза о том, что резкое изменение уклада жизни больших групп населения может приводить к кризису системы воспитания, нарушениям в трансляции культуры. В итоге снижается уровень социализации нескольких последующих поколений, в особенности — третьего поколения. Это, в свою очередь, является одним из факторов, способствующих возникновению массовых народных возмущений, бунтов и мятежей через 60 ± 10 лет после изменения уклада жизни. Приведен краткий обзор некоторых крупных народных возмущений в России и зарубежных странах за последние 400 лет. В двенадцати из семнадцати рассмотренных эпизодов обнаружены предшествующие события (за 60 ± 10 лет), которые могли стать причиной резкого изменения уклада жизни больших групп населения. Намечены направления верификации выдвинутой «гипотезы третьего поколения».

Ключевые слова: исторический кризис детства, кризис системы воспитания, изменение уклада жизни, социальные нормы, легитимность власти, социальное действие, народные возмущения.

— Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?
— Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

— Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет её расхлебывать?
— Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!
А. К. Толстой

Кризис системы воспитания

Распалась связь времен.
Уильям Шекспир

Для психологии вопрос о соотношении развития психики ребенка с историческим развитием общества столь же важен, как для биологии — вопрос о соотношении онтогенеза и филогенеза. Он особенно актуален для культурно-исторической теории, однако разрабатывался преимущественно в рамках других научных направлений. Первоначально в психологию были наивно перенесены биологические представления о рекапитуляции: воспроизведение в процессе развития ребенка исторических стадий развития общества. Свои крайне своеобразные психологизированные концепции истории представили Фрейд и Юнг.

В культурно-исторической психологии наиболее глубокой и содержательной концепцией, соотносящей процессы онтогенеза и антропогенеза, мне представляется гипотеза Д. Б. Эльконина об историческом происхождении периодов детства [13], имеющая ряд нетривиальных следствий. Одно из них — это

предположение о существовании исторических кризисов детства, когда происходило изменение структуры возрастов, нарушалась прежняя система связей между детьми и взрослыми [8]. В данной статье обсуждается гипотеза, что, помимо исторических кризисов детства (причем значительно чаще их), возникают **кризисы системы воспитания** подрастающего поколения, вызванные резким изменением уклада жизни больших групп населения.

Кризис системы воспитания, как и исторический кризис детства, приводит к распаду связей между детьми и родителями, к нарушениям в трансляции культуры. Однако есть и принципиальные различия. *Исторический кризис детства* — это переход к новому этапу антропогенеза. Он приводит к появлению новых возрастных периодов, к качественному изменению положения ребенка в обществе (например, является ли нормативным для данного общества участие десятилетнего ребенка в производительном труде или же его обучение в школе). *Кризис системы воспитания* — всего лишь преходящее явление, сопоставимое по масштабу не с процессом антропогенеза, а с относительно локальными социальными, политическими и идеологическими сдвигами в обществе.

Он связан со значительно более частными изменениями в социальной ситуации развития ребенка (как, например, нормативный для данного периода стиль взаимоотношений с ним в семье и в школе, содержание учебных программ и т. п.). По-видимому, его наиболее существенное следствие — это осложнения в передаче новому поколению социальных норм. Эти осложнения почти не касаются наиболее универсальных, глубинных норм, в частности нравственных. Однако для успешной социализации важны и более частные нормы, порожденные конкретной исторической традицией.

Можно полагать, что один из таких кризисов мы наблюдаем в сегодняшней России. Переход от развитого социализма к раннему капитализму приводит к изменению целей и ценностей воспитания. Какие качества хотелось бы нам видеть в своих детях? Конечно, как и в прошлые века, хочется, чтобы они выросли здоровыми, умными, добрыми. Но эти вечные идеалы либо труднодостижимы, либо чересчур абстрактны. Доброта, понимаемая как непротивление злу насилием, очень далека от доброты, проявляющейся в стремлении с оружием в руках защищать угнетенных и обиженных. А вот с более конкретными идеалами возникают большие сложности. Скромность? Но нынче слишком много объявлений: «Требуются амбициозные молодые люди». А ведь еще 20 лет назад это определение воспринималось почти как ругательство. Порядочность? Но смысл этого понятия за те же 20 лет неузнаваемо изменился. Толерантность? Слово хорошее, но уж больно непривычное.

Отсутствие ясных целей воспитания ставит под сомнение традиционные формы взаимоотношений взрослых с ребенком и способы воздействия на него, которые в своей совокупности образуют *систему воспитания*. Прежние воспитательные методы неадекватны новым условиям, а новые методы еще не выработаны. Скажем, ребенок украл деньги. Тут естественно взять ремень... А он кричит, что пожалуется в милицию на нарушение Конвенции о правах ребенка, которую он вычитал в Интернете, — и родного отца посадят в тюрьму. Так что, теперь уже и воспитывать ребенка не разрешается? Пускай ворует?

Л. С. Выготский писал: «Социальная ситуация развития, специфическая для каждого возраста, определяет строго закономерно весь образ жизни ребенка, или его социальное бытие... Изменение в сознании ребенка возникает на основе определенной, свойственной данному возрасту, формы его социального бытия» [9, с. 259]. Но что происходит, когда форма социального бытия ребенка теряет свою определенность вследствие резких социальных сдвигов в обществе?

20 лет назад мы с Б. Д. Элькониным и В. И. Слободчиковым предположили, что начинается исторический кризис детства [8]. Сегодня мне кажется, что тогда начинался всего лишь кризис системы воспитания, связанный с приближавшимся завершением социалистического этапа развития страны и переходом к другой (новой? старой?) экономической формации. Впрочем, «большой» исторический кризис детства тоже, вероятно, имеет место. Только он развивается более плавно и потому менее заметен. И на-

чался он не в конце XX, а уже в XIX веке. Его знаменья — это введение всеобщего школьного обучения с последующим стремительным удлинением его сроков, а также появление нового, отсутствовавшего в предшествующие века, возрастного периода: подросткового возраста [2; 10; 12]. Вероятно, в образованных слоях общества подростковый возраст существовал и раньше, но крестьяне, рабочие, ремесленники «не могли его себе позволить»: их дети очень рано приобщались к взрослому труду.

Удлинение сроков школьного обучения и появление подросткового возраста — взаимосвязанные явления. Чтобы понять характер этой связи, обратимся к концепции Д. Б. Эльконина о двух линиях детского развития: овладение операционно-технической стороной деятельности и развитие мотивационно-потребностной сферы [12]. Согласно его представлениям, возрастные периоды, способствующие преимущественному развитию одной из этих линий, чередуются с периодами, способствующими развитию другой. Когда по одной из линий возникает выраженное опережение, наступает следующий возрастной период, «подтягивающий» вторую сторону психического развития.

Школьное обучение способствует интенсивному формированию операционно-технических возможностей ребенка. К концу младшего школьного возраста исчерпываются «мотивационные ресурсы» учебной деятельности. Возникает необходимость перехода к новой ведущей деятельности и, соответственно, к новому возрастному этапу — подростковому возрасту. Это не значит, что в подростковом возрасте учебная деятельность обречена на исчезновение. Из этого следует лишь необходимость ее включения в более широкий контекст социальной активности, которая придавала бы ей новый смысл. В настоящее время обществом не выработаны институционализированные формы такой активности. В тех или иных вариантах она стихийно порождается самим подростковым сообществом. Другими словами, как мы отмечали и ранее, ведущая деятельность подросткового возраста еще не сложилась [8]. В течение последних ста лет она находится в периоде становления.

Личностные и социальные трудности подростков, продолжающиеся до сих пор, показывают, что исторический кризис детства, начавшийся в XIX в., отнюдь не закончился. Следовательно, нынешний **кризис системы воспитания разворачивается на фоне общего кризиса детства** и может рассматриваться как его обострение, спровоцированное резким изменением уклада жизни.

Гипотеза «третьего поколения»

Черт поджидает на половине пути.

Пословица

Разложение традиционных норм, а тем более выработка новых (восстановление системы трансляции культуры) — это длительные процессы, причем единицей измерения служит не год, а поколение. Попробуем провести схематическую реконструкцию этих процессов.

Начнем с «традиционного» поколения. Его представители встретили перемены взрослыми, полностью сложившимися людьми. Они воспринимают расхождение между привычными нормами и новой жизненной ситуацией как «неправильность» этой ситуации, так как не могут подвергнуть сомнению усвоенные с детства нормы. Парадокс в том, что именно приверженность традиционным нормам, предписывающим законопослушность, препятствует любым попыткам изменить эту «неправильную» ситуацию.

Представители следующего поколения (назовем его «поколением перемен») тоже воспитывались в традиционных нормах, но в детстве или ранней юности, еще не успев окончательно сформироваться, пережили резкое изменение уклада жизни. Они воспринимают новые условия как естественные, остро ощущая при этом, что нормы, усвоенные ими, но еще не ставшие для них незыблемыми, мало адекватны («устарели»). Поэтому они не могут эффективно транслировать их следующим поколениям.

Детей «поколения перемен» назовем «первым поколением пустыни» (по аналогии с библейским поколением детей, родившихся в пустыне после исхода евреев из Египта). Как было сказано, родители не в состоянии передать им традиционные нормы, которые справедливо воспринимают как не адекватные новому времени. Однако до недавнего времени основными посредниками между миром детей и миром взрослых были не столько родители, чересчур занятые трудовой деятельностью, сколько старики, уже не способные к производительному труду. Следовательно, «первое поколение пустыни» было в значительной мере воспитано «традиционным» поколением и усвоило от него традиционные нормы, хотя в еще более ослабленном виде, чем «поколение перемен».

Дети «первого поколения пустыни» — «второе поколение пустыни» — лишены твердых жизненных ориентиров. Ни родители, ни прародители («поколение перемен») не могли эффективно передать им традиционные нормы. Новым нормам еще только начали выработываться. Таким образом, уровень ориентации на какие бы то ни было социальные нормы (т. е. общий уровень социализации) у этого поколения существенно снижен. В последующих («новых») поколениях он снова растет благодаря постепенному формированию новых норм, соответствующих изменившемуся укладу жизни. Эта реконструкция условно отражена на графике.

Разумеется, этот график нельзя оценивать количественно. Во-первых, у нас нет количественной меры ориентации на нормы (степени социализации). Во-вторых, уровень социализации — это не просто сумма ориентаций на разнородные нормы. Заметим также, что ось абсцисс соответствует не «нулевому» уровню социализации, а тому уровню, который определяется ориентацией на совокупность «универсальных» норм, действенных как при прежнем, так и при новом укладе жизни.

Приведенный график наглядно иллюстрирует положение о том, что наиболее низкий уровень социализации ожидается не в первом «поколении пусты-

ни», а в следующем. Если же вести отсчет от «поколения перемен», то самый низкий уровень социализации ожидается в третьем поколении (применительно к традиционному обществу, в котором старики активно участвуют в воспитании детей). Итак, выдвинутую гипотезу можно назвать «*гипотезой третьего поколения*».

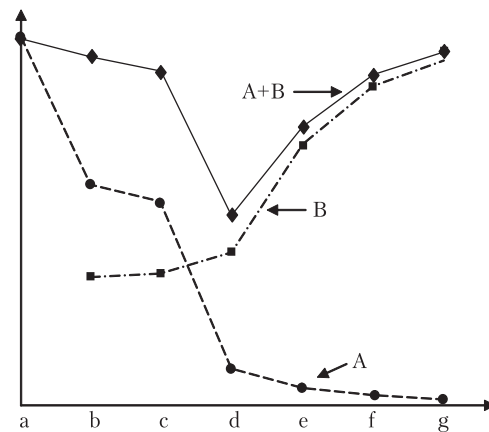
Кризис легитимности

Законное правительство — то, у которого превосходство в артиллерии.
Карел Чапек

Непосредственно проверить «гипотезу третьего поколения» не представляется возможным. Поэтому попробуем вывести из нее некоторые следствия, которые могут хотя бы отчасти поддаваться проверке. Эти следствия будем искать в области истории, поскольку можно ожидать, что снижение уровня социализации целого поколения проявится в крупных исторических событиях. Мы будем исходить из представлений, характерных для социологического подхода к историческим событиям, опирающегося преимущественно на идеи Макса Вебера. В русле этого подхода решающее значение придается *социальным действиям*, т. е. действиям, ориентированным на других людей [5].

Массовые социальные действия определяются как внешними факторами (экономическими, политическими и др.), так и культурно-психологическими особенностями больших групп населения. В частности, одной из важнейших характеристик является уровень социализации, ориентации на традиционные нормы. При его снижении повышается вероятность деструктивных, разрушительных социальных действий.

Степень политической стабильности в государстве зависит от легитимности власти, т. е. в какой мере

- — распад ориентации на прежние нормы (A);
- — формирование новой системы норм (B);
- ◆ — итоговый (суммарный) уровень ориентации на нормы (A+B).

a — «традиционное поколение», b — «поколение перемен»,
c — «первое поколение пустыни», d — «второе поколение пустыни»,
e, f, g — «новые поколения»

общество признает ее правомерность, соглашается с законностью имеющегося социального порядка. При глубоком кризисе легитимности правительству остается полагаться только на превосходство в артиллерии, но и эта гарантия ненадежна: ведь пушки могут повернуться в другую сторону.

Вебер выделил три основных типа легитимности: традиционную, рационально-правовую, харизматическую (в дальнейшем были выделены и некоторые другие типы). Снижение уровня ориентации населения на культурные нормы губительно для *традиционной* легитимности, основанной на признании того, что система власти соответствует обычаю (типичный пример — наследственная монархия). Не столь очевидно, что в этих условиях затруднена и *рационально-правовая* (демократическая) легитимация власти, поэтому остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Единство общества определяется ориентацией большинства его членов на одни и те же нормы. Распад общих норм приводит к разделению общества на отдельные разрозненные группы, каждая из которых имеет свои представления о праве и законности, что, естественно, подрывает рационально-правовую легитимность. Важно учитывать, что рационально-правовая легитимность не столь уж кардинально отличается от традиционной: она тоже в большой мере опирается на *традиционные нормы* уважительного отношения к закону (отсюда — серьезные проблемы легитимности у молодых демократий).

По-видимому, в условиях сниженного уровня социализации относительно легко достижима только *харизматическая* легитимность, основанная на представлении о выдающихся личных качествах лидера, — но в данном случае это легитимация не власти, а, напротив, идеологии ее ниспровержения. Впрочем, и с этим видом легитимности могут возникать сложности: при полной разобщенности разных социальных групп лидеров, воспринимаемый одной группой как харизматический, другой часто воспринимается как филигр или сумасшедший.

Итак, снижение уровня социализации больших групп населения, предполагаемое «гипотезой третьего поколения», может явиться одной из причин кризиса легитимности, создавая предрасположенность к массовым народным возмущениям. Другими словами, ***внуки тех, чей уклад жизни резко изменился в период их детства или юности, — наиболее благодатный «материал» для устройства бунтов, смут и революций, поскольку у них крайне слаба ориентация на какие-либо нормы и под воздействием внешних условий они легко теряют жизненные ориентиры.*** Согласно предлагаемой гипотезе, крупные народные возмущения наиболее вероятны в период максимальной активности «третьего поколения», т. е. в период юности и молодости его представителей, следовательно, приблизительно через 60 ± 10 лет после резкого изменения уклада жизни. Десоциализированное поколение вряд ли будет так же легко, как его родители и деды, прощать правительству политические промахи, экономические кризисы и неудачные войны.

Верификация этого предположения требует развернутого исторического исследования. Мы же ограничимся сугубо предварительным обзором ряда исторических событий, чтобы обосновать выдвижение гипотезы, отнюдь не претендуя на ее доказательство. В обзоре будут представлены некоторые крупнейшие народные возмущения — бунты, восстания, мятежи, революции, гражданские войны. Для каждого такого события попытаемся найти предшествующее ему за три поколения (за 60 ± 10 лет) другое историческое событие в той же стране, резко изменившее уклад жизни больших групп населения.

Нас будут интересовать народные возмущения и гражданские войны, разворачивающиеся внутри определенной целостной территории (страны), а не войны между государствами, национально-освободительные движения и т. п. (в частности, не рассматривается Гражданская война в США 1861—1865 г., представлявшая собой войну между разными территориями — Севером и Югом).

Исторический обзор

Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией туман.
Эдуард Багрицкий

Начнем с наиболее известных мятежей в России XVII—XVIII вв., которые в советской историографии именовались «крестьянскими войнами»: бунтов под предводительством Ивана Болотникова (1606—1608), Степана Разина (1670—1671) и Емельяна Пугачева (1773—1775). Все эти эпизоды вполне могут включать «эффект третьего поколения». За 45—55 лет до восстания Болотникова прошли реформы Ивана Грозного (1550—1560), в частности земская реформа, введившая земское самоуправление и существенно изменившая уклад жизни крестьянства [11, лекция 39]. Из крупных исторических событий, произошедших за 55—60 лет до восстания Степана Разина, можно назвать избрание на царство Михаила Романова (1613), положившее конец Смутному времени и значительно изменившее сословные отношения в России [там же, лекция 44]. За 50—60 лет до восстания Пугачева прошли широкомасштабные реформы Петра I (1710—1725). Они изменили уклад жизни всех слоев российского общества, в частности крестьянства [там же, лекция 68].

Наиболее известный мятеж в России XIX в. — это восстание декабристов (1825). Оно было значительно менее массовым, чем события, рассматривавшиеся ранее: его сознательными участниками были только дворяне. Поэтому и в предшествующий период мы будем искать именно те события, которые привели к изменению уклада жизни дворянства. Такое событие мы обнаруживаем за 63 года до восстания: это манифест Петра III «О даровании вольности российскому дворянству» (1762), освободивший дворян от обязательной государственной и военной службы. С выходом этого манифеста дворяне впервые стали подлинно свободным сословием. Требуется особого

изучения вопрос, насколько сильно это изменило уклад их жизни, однако имеются основания утверждать, что это привело к серьезным изменениям их самосознания, а следовательно, и норм, на которые ориентировалась данная группа населения [там же, лекция 72].

Крупнейшее народное возмущение XX в. — это большевистская революция и последующая гражданская война (1917—1921). Учитывая, что основную массу населения в этот период составляло крестьянство, обратимся к предшествующим событиям, резко изменившим уклад жизни этой группы населения. В качестве такого события естественно выделить отмену крепостного права (1861). Интервал составляет около 55—60 лет, т. е. три поколения.

Повторим на конкретном материале рассуждения, которые ранее были представлены в абстрактном виде: проведем умозрительную реконструкцию генеалогии рядового участника событий 1917—1921 гг. Его дед — типичный представитель «поколения перемен» — родился в 1850 г. Воспитан в традиционном духе. Усвоенные им в детстве нормы мало релевантны новой действительности, начавшейся после 1861 г., а новые нормы еще не выработаны. Поэтому, воспитывая своих детей, он испытывает неуверенность и растерянность.

Отец нашего героя — представитель «первого поколения пустыни» — родился в 1872 г. Родители, а в еще большей мере старики (бывшие крепостные) частично передали ему прежние нормы и ценности. Несмотря на искреннее уважение к старым людям, он скептически относится к этим нормам и пытается самостоятельно искать новые, но пока еще мало в этом преуспел.

Типичный представитель «второго поколения пустыни» родился в 1895 г. Ни родители, ни деды почти совсем не передали ему устаревших традиционных норм, но и новые нормы у него сформированы очень слабо. В итоге уровень его социализации крайне низок (это поколение «d» на графике). Попав на германский фронт (1914—1918), он окончательно утратил какие бы то ни было ориентиры и в 1918 г. готов крушить все и вся.

Н. А. Бердяев, характеризуя участников революции, писал: «Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой» [1, с. 101]. И далее: «Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся... Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа... Русский народ из периода теллурического, когда он жил под мистической властью земли, перешел в период технический, когда он поверил во всемогущество машины...» [там же, с. 102]. Бердяев приводит перечень факторов, которыми «воспользовался большевизм». В этом перечне, занимающем почти целую страницу, есть, в частности, указание на изменение уклада жизни и распад прежних норм:

«Он (большевизм. — А. В.) воспользовался крушением патриархального быта в народе и старых религиозных верований» [там же, с. 115].

Еще два эпизода российской истории, разделенные интересующим нас промежутком времени (60 ± 10 лет), — это создание Советского Союза (1922) и его распад (1991). Интервал составляет 69 лет. Первое из этих событий полностью подпадает под «гипотезу третьего поколения», так как оно привело к кардинальному изменению уклада жизни всех групп и слоев российского общества. Второе событие — распад социалистической системы — отразило глубокий кризис легитимности власти. Оно не сопровождалось гражданской войной, которую предсказывали многие аналитики, однако в некоторых бывших республиках и регионах Советского Союза (Грузия, Чечня) народные волнения были гораздо более выражены, чем в России.

Н. А. Бердяев, к работе которого «Истоки и смысл русского коммунизма» мы обращались выше, уже в 1937 г. пророчески предсказал события, совершившиеся спустя пять десятилетий: «Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни, как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет не малую роль и от него идет процесс обуржуазывания» [1, с. 139]. Таким образом, он связывал большевистскую революцию с распадом связи с землей, «почвенных» норм, а ожидаемое им крушение коммунистического строя — с утратой *христианских норм*, игравших, по его мнению, важную роль в установлении этого строя (несмотря на то, что на сознательном уровне религия большевиками отрицалась).

Обратимся к рассмотрению исторических событий, происходивших в других странах. В течение последних 400 лет была особенно богата мятежами и революциями Франция. Мы ограничимся рассмотрением четырех эпизодов французской истории, по одному на каждый век: Фронды (1648—1653), Великой французской революции (1789), Парижской коммуны (1871) и «Студенческой революции» (1968).

Фронда — крупное народное возмущение, в котором участвовали различные слои французского общества, известна массовому читателю в основном по роману А. Дюма «20 лет спустя». За 50—55 лет до нее, в 1598 г., Генрихом IV был издан Нантский эдикт, уравнявший в правах гугенотов с католиками и на длительный период прекративший кровавые распри между ними. Однако степень влияния этого эдикта на уклад жизни населения остается под вопросом.

За 67 лет до Парижской коммуны, в 1804 г., Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором. В том же году был принят Французский Гражданский кодекс («кодекс Наполеона»). Все это, безусловно, существенно изменило уклад жизни большей части населения Франции.

Найти очевидные предпосылки «студенческой революции» в третьем поколении нам не удалось. Не исключено, что на эту роль может претендовать закон об отделении церкви от государства (1905), окончательно утвердивший во Франции принцип светского государства и положивший конец влиянию церкви на систему образования. Этот закон вряд ли сильно изменил уклад жизни населения, но он внес значительные изменения в *систему норм* (что соответствует выдвинутой гипотезе) и до сих пор расценивается французами как высоко значимый [3].

За 60 ± 10 лет до Великой французской революции нам не удалось обнаружить ни одного события, которое могло бы хоть как-то соответствовать «гипотезе третьего поколения».

Далее рассмотрим такие заметные явления в Европе XX в., как установление фашизма в Италии (1921–1924), Германии (1933) и Испании (1936–1939). В Испании установление фашистского режима явилось очевидным следствием народного мятежа (гражданской войны). Вопрос о том, стало ли установление фашистских режимов в Италии и Германии следствием массовых народных движений, является дискуссионным. Однако представляется бесспорным, что в этих событиях, как и предусматривается «гипотезой третьего поколения», ярко проявилась нравственная деградация общества, утрата им культурных норм.

Во всех трех случаях имеются предшествующие (за 60 ± 10 лет) события, которые могли вести к существенным изменениям уклада жизни больших групп населения. В Италии это создание единого Итальянского королевства (1861), в Германии — Германской империи, Второго рейха (1871), в Испании — установление Первой республики (1873–1874).

В заключение нашего краткого обзора массовых народных возмущений рассмотрим четыре революции. Три из них — английскую (1640–1660), мексиканскую (1910–1917) и китайскую (1945–1950) — обычно относят к «великим» (наряду с рассмотренными выше французской и российской). Мы рассмотрим также Исламскую революцию в Иране (1978–1979), которая явилась одним из крупнейших народных движений XX в., хотя обычно ее и не относят к числу великих революций.

За 60 ± 10 лет до Великой английской революции нами не обнаружено ни одного события, соответствующего «гипотезе третьего поколения». В этот период проходила интенсивная волна огораживаний, существенно изменявшая жизнь крестьян. Однако она была далеко не первой и отнюдь не последней. Этот процесс разворачивался чересчур медленно и постепенно, чтобы его можно было счесть причиной внезапного «слома» привычных норм.

В Мексике за 50–60 лет до революции и гражданской войны произошли весьма значительные политические изменения: после свержения диктатуры Санта-Аны была установлена либеральная республика, принципы которой зафиксированы в конституции 1857 г. Однако трудно сказать, насколько принципиально это изменило уклад жизни в Мексике, для которой, как и для многих латиноамериканских стран, вообще была характерна высокая политическая нестабильность.

Приблизительно за 50 лет до Великой китайской революции император Гуансюй провел серию либеральных реформ, получившую название «сто дней реформ» (1898). Однако они вряд ли могли оказать значительное влияние на уклад жизни населения, поскольку очень скоро были отменены [4].

За 50–55 лет до Исламской революции в Иране произошел переворот и к власти пришел Реза-хан, основатель шахской династии Пехлеви (1921–1925). Проведенные им реформы существенно изменили политическую и социальную ситуацию в стране [там же].

Все рассмотренные выше исторические эпизоды собраны в таблице.

Как видно из таблицы, в 12 случаях из 17 имеется вероятность соответствия проверяемой гипотезе. В 3 случаях соответствие сомнительно, в 2 случаях отсутствует.

Обсуждение

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.
Федор Тютчев

Итак, более чем в $2/3$ рассмотренных случаев имеется вероятность подтверждения «гипотезы третьего поколения». Однако не случайность ли это и не следствие ли субъективного, тенденциозного выбора исторических событий и их интерпретации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать изменения уклада жизни, учитывая затронутые ими регионы и группы населения, и сопоставить эти данные с активностью, которую выходцы из соответствующих регионов и групп проявили в массовых волнениях и революционных событиях. В настоящей статье не ставилась задача такого анализа. Предельно краткий исторический обзор был призван не доказывать справедливость «гипотезы третьего поколения», а лишь обосновать ее выдвижение.

Любые гипотезы, относящиеся к революциям, принято тестировать на материале Великой французской революции, поэтому прискорбно, что не удалось обнаружить никаких серьезных изменений уклада жизни французов за три поколения до нее. Из пяти «великих» революций только в двух случаях (российская и мексиканская) обнаружены предшествующие события, явно соответствующие гипотезе. Однако фактор, предлагаемый к рассмотрению (кризис системы воспитания, вызванный резким изменением уклада жизни), вовсе не должен обнаруживаться в каждом случае. Сам по себе он не является ни необходимым, ни достаточным для возникновения крупных социальных движений. Он, конечно выдвинутой гипотезе, лишь облегчает (катализирует) их возникновение. Предполагается, что один из ленинских критериев революционной ситуации «низы не хотят жить по-старому» с большей вероятностью достигается в тех случаях, когда размыты, расшатаны традиционные нормы. В противном случае низы готовы жить по-старому даже в очень неблагоприятных условиях.

Сводные данные по России и зарубежным странам

Страна	Бунт, смута, революция	Предшествующее изменение уклада жизни (за 60 ± 10 лет)	Интервал	Соответствие
Россия	1606—1608: Восстание Болотникова	1550—60: Земская реформа Ивана Грозного	~ 45—55	+
	1670—1671: Восстание Степана Разина	1613: Окончание смутного времени, избрание Михаила	~ 55—60	+/-
	1773—1775: Восстание Пугачева	1710—25: Реформы Петра I	~ 50—60	+
	1825: Восстание декабристов	1762: Указ о дворянских вольностях (Петр III)	~ 60	+
	1917—1921: Революция, Гражданская война	1861: Отмена крепостного права	~ 55-60	+
	1991—1993: Распад СССР	1922—25: Создание СССР	~ 65—70	+/-
Франция	1648—1653: Фронда	1598: Нантский эдикт	~ 50-55	-/+
	1789: Революция	Не обнаружено	-	-
	1871: Парижская коммуна	1804: Провозглашение империи (Наполеон)	~ 65	+
	1968: «Студенческая революция»	1905: отделение церкви от государства, реформа системы образования	~ 60	-/+
Италия	1921—1924: Установление фашизма	1861: Создание королевства	~ 60	+/-
Германия	1933: Создание Третьего рейха	1871: Создание Второго рейха	~ 60	+
Испания	1936—1939: Гражданская война	1873—74: Установление Первой республики	~ 60—65	+
Англия	1640—1660: Революция	Не обнаружено	-	-
Мексика	1910—1917: Революция, гражданская война	1857: Установление либеральной республики	~ 50—60	+/-
Китай	1945—1950: Революция	1898: 100 дней реформ	~ 50	-/+
Иран	1978—1979: Исламская революция	1921—25: Установление правления Реза-хана	~ 50—55	+

Примечание. В графе «Соответствие» использованы следующие обозначения: «+» — довольно высокая вероятность соответствия выдвинутой гипотезе, «+/-» — некоторая вероятность соответствия, «-/+» — соответствие сомнительно, «-» — соответствие отсутствует.

«Гипотезу третьего поколения» можно сопоставить с некоторыми другими, уже устоявшимися психологическими концепциями. Феномен передачи тех или иных психологических особенностей из поколения в поколение известен давно. Так, например, не только у детей, но и у внуков узников нацистских концлагерей нередко наблюдаются признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Существует понятие «цикл насилия», когда выросшие дети переносят образцы жестокого обращения родителей в собственную семью — и так может продолжаться на протяжении нескольких поколений [14]. Широко распространено понятие «аристократ (или интеллигент) во втором поколении, в третьем поколении...».

В трех приведенных примерах различна динамика изменений. Частота и выраженность признаков ПТСР от поколения к поколению *убывает*. Средний уровень жестокости в цикле насилия *не претерпевает существенных изменений* (имеются лишь случайные колебания). Предполагается, что степень аристократизма или интеллигентности от поколения к поколению *возрастает*.

В отличие от этих поколенческих эффектов, «гипотеза третьего поколения» предусматривает *нелинейную* зависимость выраженности психологического качества (десоциализации) от номера поколения. Согласно гипотезе, она сначала растет, достигает максимума в третьем поколении, а затем снова убывает. Специфика «гипотезы третьего поколения» также в том, что она относится к большим массам населения, поэтому предполагается, что психологические феномены должны проявляться на социальном уровне, оказывая влияние на исторические события.

Существуют различные варианты нарушений социализации, определяемые биографическими или индивидуально-психологическими особенностями отдельных детей — например, вызванные воспитанием ребенка в асоциальной семье. В нашей совместной работе с Е. И. Морозовой мы наблюдали подобные же нарушения у детей, ставших жертвами террористического акта в Beslane 1—3 сентября 2004 г. Возрастная регрессия, возникшая в результате перенесенной *психологической травмы*, нередко приводила к распаду социальной

ситуации развития, нормативной для возраста ребенка [7].

Один из вариантов нарушений социализации представлен также психологическим синдромом *социальной дезориентации* [6]. Он возникает у детей, оказавшихся в новой для себя культуре, где социальные нормы существенно отличаются от привычных для ребенка (у детей эмигрантов, беженцев, переселенцев). Однако этот психологический синдром возникает только у детей, у которых *снижена чувствительность к социальным нормам*. Иначе ребенок быстро усваивает нормы новой для себя культуры и относительно легко «встраивается» в нее.

При десоциализации, предполагаемой «гипотезой третьего поколения», индивидуальная чувствительность к нормам несущественна. Эта гипотеза относится к таким ситуациям, когда в самом обществе отсутствуют (еще не выработаны) нормы, адекватные новым условиям. Поэтому десоциализация может происходить не только у отдельных индивидов, не чувствительных к социальным нормам, перенесших психологическую травму или воспитывающихся асоциальными родителями, а у целого поколения.

«Гипотеза третьего поколения», если будут получены подтверждающие ее данные, нуждается в конкретизации с учетом национальных, исторических, сословных, религиозных и других факторов. Интересно также проследить, что происходит, если новые, только начавшие формироваться нормы сразу же устаревают в результате следующего изменения уклада жизни, наступившего вскоре после предшествующего. Такое изменение нередко является следствием народных возмущений, а значит, согласно выдвинутой гипотезе, оно высоко вероятно в период активности «второго поколения пустыни» (так что первое из «новых» поколений становится одновременно «поколением перемен»).

В настоящей статье в силу ограниченности ее объема гипотеза представлена очень схематично и вследствие этого выглядит механистичной. Преодоление такой механистичности возможно благодаря рассмотрению социальных процессов как результата сложного взаимодействия различных норм (устаревающих, нарождающихся и «универсальных», т. е. равно адекватных как прежнему, так и новому укладу жизни).

Выдвинутая гипотеза предполагает предрасположенность «второго поколения пустыни» к деструктивным социальным действиям, но ничего не говорит о *конкретной направленности* этих действий. Их направленность определяется не теми изменениями, которые произошли в укладе жизни за 60 лет до того, а современной им (или непосредственно предшествовавшей им) исторической ситуацией. История скорее иррациональна, нежели рационалистична, и попытки сколько-нибудь конкретно предсказать ее ход всегда оканчивались неудачей. Любое историческое «слово» (реформа, мятеж или революция) рассчитано на его восприятие в рамках *современных ему норм*, следствием же его является *изменение* этих норм. Потому-то нам и не дано предугадать, как оно отзовется в будущем.

Заключение

Д. Б. Эльконин выдвинул гипотезу об историческом происхождении возрастных периодов и возрастных кризисов. Его интересовали наиболее глобальные закономерности, поэтому он опирался не столько на исторические данные, сколько на археологические и этнографические материалы, относящиеся к ранним ступеням цивилизации.

Развивая его гипотезу, мы стараемся выявить более локальные закономерности. В частности, мы предположили, что следствием резких изменений уклада жизни больших групп населения часто становятся кризисы системы воспитания, приводящие к нарушениям в трансляции культуры. В результате вырастает асоциальное поколение, что повышает вероятность народных возмущений, бунтов и мятежей. Таким образом, может быть прослежена *кольцевая взаимосвязь* между историческими событиями и психологическими особенностями поколения: изменение уклада жизни (историческое событие) приводит к десоциализации в одном из следующих поколений (психологическое явление), что, в свою очередь, способствует народным волнениям и возмущениям (снова историческое событие).

Принцип *кольцевой взаимосвязи между психическим развитием ребенка и системой его отношений с обществом* ранее рассматривался нами применительно к развитию отдельного индивида [6]. «Гипотеза третьего поколения» представляет собой попытку распространить этот принцип на явления социально-исторического уровня.

Начиная с XX в., для развитых стран становится характерной нуклеарная семья, не предусматривающая участия старшего поколения в воспитании детей. Поэтому современному историческому этапу, возможно, более релевантна не «гипотеза третьего поколения», а «гипотеза второго поколения». Однако проверка этого предположения — даже предварительная — не входит в задачи настоящей статьи. Мы только хотели показать, что события, подобные тем, которые развернулись в нашей стране в начале 90-х гг. XX в., *могут вызвать непредсказуемые последствия через несколько десятилетий*.

Согласно предлагаемой гипотезе, сами по себе «поколения пустыни» ни хороши, ни плохи. Они, как подростки, стихийны, трудно управляемы, склонны к бунту и не готовы покорно принимать любую власть, подчиняясь традиционным нормам. «Гипотеза третьего (или второго) поколения» вовсе не предполагает неизбежности социальных катаклизмов. Она лишь заставляет усомниться в том, что через сорок лет (или, в соответствии с «гипотезой второго поколения», уже через двадцать) общество будет столь же безропотно, как сегодня, подчиняться правилам игры, навязываемым ему политической элитой. Если эта гипотеза верна, то очень скоро (по историческим масштабам) властям придется на деле доказывать свою эффективность, которая остается единственным надежным основанием легитимности в глазах поколения, не связанного традиционными нормами.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Блонский П. П. Педагогика. М., 2000.
3. Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? // Зеркало недели. 2002. № 28 (403). // <http://www.zn.ua/3000/3690/35532/>
4. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. Венгер А. Л. Структура психологического синдрома // Вопросы психологии. 1994. № 4.
7. Венгер А. Л., Морозова Е. И. Посттравматическая регрессия с позиций культурно-исторической теории развития психики. На материале психологической работы в Беслане (2004–2006 гг.) // Вопросы психологии. 2007. № 1.
8. Венгер А. Л., Слободчиков В. И., Эльконин Б. Д. Проблемы детской психологии и научное творчество Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии. 1988. № 3.
9. Выготский Л. С. Проблема возраста // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984.
10. Кле М. Психология подростка. Психосексуальное развитие. М., 1991.
11. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993.
12. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Избранные психологические труды. М., 1989.
13. Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1999.
14. Spinetta J.J. & Rigler D. The child-abusing parent: A psychological review // Psychological Bulletin. 1972. V. 77.

Generation of the desert

A. L. Venger

Ph.D. in Psychology, professor, Psychology Chair, Dubna International University for Nature, Society and Man; head of the Urgent Psychological Help Sector for Children and Adolescents, Moscow State University of Psychology and Education

The article presents a hypothesis that sudden change in a lifestyle of big groups of population may lead to a crisis in the upbringing system and failure in cultural transmission. As an outcome the socialization level drops for the next couple of generations, especially for the third one. This fact becomes one of the factors facilitating occurrence of mass public disorders, riots and rebellions in 60 ± 10 years after the lifestyle has changed. Article presents a short overview of some large-scale public riots in Russia and other countries in the last 400 years. In 12 cases out of 17 overviewed episodes some events were found (in the period of 60 ± 10 years) that could lead to a sudden change in a lifestyle for the big groups of population. The paths to verify this «third generation hypothesis» are outlined.

Keywords: historical crisis of the childhood, crisis of the upbringing system, change of lifestyle, social norms, legitimacy of power, social action, clamours.

References

1. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990.
2. Blonskii P. P. Pedologiya. M., 2000.
3. Bobero Zh. Svetskost': francuzskaya isklyuchitel'nost' ili universal'naya cennost'? // Zerkalo nedeli. 2002. № 28 (403). // <http://www.zn.ua/3000/3690/35532/>
4. Vasil'ev L. S. Istoriya Vostoka: V 2 t. T. 2. M., 1993.
5. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990.
6. Venger A. L. Struktura psihologicheskogo sindroma // Voprosy psihologii. 1994. № 4.
7. Venger A. L., Morozova E. I. Posttravmaticheskaya regressiya s pozicii kul'turno-istoricheskoi teorii razvitiya psihiki. Na materiale psihologicheskoi raboty v Beslane (2004–2006 gg.) // Voprosy psihologii. 2007. № 1.
8. Venger A. L., Slobodchikov V. I., El'konin B. D. Problemy detskoj psihologii i nauchnoe tvorchestvo D. B. El'konina // Voprosy psihologii. 1988. № 3.
9. Vygotskii L. S. Problema vozrasta. // Vygotskii L. S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 4. M., 1984.
10. Kle M. Psihologiya podrostantka. Psihoseksual'noe razvitiye. M., 1991.
11. Klyuchevskii V. O. Russkaya istoriya: Polnyi kurs lekciy v 3-h kn. M., 1993.
12. El'konin D. B. K probleme periodizacii psihicheskogo razvitiya v detskom vozraste // Izbrannye psihologicheskie trudy. M., 1989.
13. El'konin D. B. Psihologiya igry. M., 1999.
14. Spinetta J.J. & Rigler D. The child-abusing parent: A psychological review // Psychological Bulletin. 1972. V. 77.